

Михаил Соколов, Кирилл Титаев

Провинциальная и туземная наука

Академическая коммуникация как разговор

Академическая коммуникация традиционно уподобляется беседе. Обычно эту беседу представляют себе как встречу разделенных временем и пространством умов, неспешно дарящих друг другу радость познания. Иконоборцы от социальных исследований науки получали особое удовольствие, демонстрируя, что эта привлекательная картина насквозь фальшива. В реальности ученые судорожно заканчивают свои реплики в этом разговоре — статьи и книги — в ночь перед отправкой в печать, а журналы и полки новых поступлений в библиотеках проглядывают с ревнивым страхом обнаружить, что кто-то сказал все то же самое раньше них или что ими недополучены причитающиеся ссылки (например, [Traweek 1988]).

Михаил Михайлович Соколов

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
sokolovmikhail@yandex.ru

Кирилл Дмитриевич Титаев

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург
ktitaev@eu.spb.ru

Сравнение с разговором, однако, можно проводить и ради иных коннотаций, которые оно подразумевает, и мы последуем именно этим путем. Мы будем опираться на социологический анализ речевой коммуникации, в особенности в традиции Гоффмана [Goffman 1963; 1981] и Сакса [Sacks 1992], учащей нас, что всякий разговор должен пониматься как нетривиальное социальное достижение. Беседа возможна, когда все

стороны соблюдают строгий набор правил¹, руководящих, например, чередованием реплик или сменами темы. Небольшого неповиновения им достаточно, чтобы превратить любую коммуникацию в хаос. В свою очередь, следование этим правилам подразумевает следование другим, более общим, руководящим решением таких поведенческих задач, как распределение внимания, которое особенно занимало Гоффмана и будет особенно интересовать нас в этой статье. Далее, необходимость решения этих задач и их точные условия вытекают из более широко определенного социальной ситуации, в которой происходит разговор.

Взрослые в нашем обществе несут обязательства поддерживать определенный уровень бодрствования по отношению к окружающим, гарантирующим своевременную реакцию на поступающие от них сигналы. Вариациям в социальных отношениях соответствуют вариации в уровне бдительности. Повсеместно от стоящих ниже ожидается, что они проявят больше внимания к стоящим выше, чем те к ним; стоящие ближе друг к другу в социальном смысле обладают правом и обязанностью интересоваться друг другом больше, чем стоящие дальше; вовлеченные в одно коллективное действие мысленно следят друг за другом, в отличие от тех, кто в этом действии не участвует. Распределение внимания, о котором свидетельствует поведение индивида, тем самым обнажает его определение ситуации — считает ли он себя стоящим выше или ниже других, ближе к ним или дальше, участником того же дела или нет. Ограничившись единственным примером, любого рода социальные узы, какого бы еще рода обязательства они ни содержали в себе, подразумевают поддержание осведомленности о том, когда исполнение этих обязательств понадобится. Поддерживаемый индивидом фокус внимания есть недвусмысленный сигнал о том, какие обязательства он готов выполнять. Никто не поверит, что взрослый, не интересующийся местонахождением своих детей, может быть хорошим родителем.

Поддержание разговора требует определенной концентрации внимания на его ходе. В свою очередь, всякий разговор служит какой-то цели, задаваемой ситуацией, в которой он разворачивается. Те, кто систематически нарушают правила поддержания разговора, не уделяя ему достаточного внимания, вскоре обнаруживают, что они исключены из класса разговорно-пригодных. Это значит, что они выводятся за скобки ситуаций,

¹ Правомерность использования в этом контексте термина «правило» может вернуть нас к неизбывным дебатам о том, можно ли считать разговорный анализ разновидностью этнометодологии. Тех, кто верит, что ответ на этот вопрос утвердительный, мы просим читать слово «правило» как [правило].

частью которых разговор является; если они физически присутствуют в них, то становятся его частью лишь в качестве пассивного предмета обсуждения. Выведение за скобки не обязательно является чем-то универсально социально неодобряемым — оно становится таковым, лишь если существует какое-то более общее определение ситуации, диктующее моральную или практическую необходимость участия.

В работах Гоффмана по социологии психиатрии многократно повторяется утверждение о том, что сами симптомы, приводящие к заключению в лечебницу, становятся таковыми не в силу того, что являются каким-то специфичным поведенческим паттерном, а в силу того, что они возникают в контексте неподходящих для них отношений. Многие из таких симптомов становятся симптомами именно постольку, поскольку напрямую нарушают разделяемые окружающими правила распределения внимания в ситуации. Пациент, ничем не показывающий, что слышит обращенные к нему реплики лечащего врача, считается кататоническим шизофреником. Девушка среднего класса, ничем не показывающая, что слышит обращенные к ней реплики малолетних париев, считается хорошо воспитанной [Goffman 1967: 137–148]. Разница между ними состоит не в поведенческом паттерне как таковом, а в том, что большинство членов нашего общества предполагают, что разумный пациент будет стремиться сотрудничать с доктором, а приличной девушке не приходится ждать ничего хорошего от авансов со стороны молодых людей определенного сорта.

Большинство типов разговора требует как минимум некоторой оперативной новизны реплик. Предполагается, что они ведутся, чтобы сообщить нечто новое¹. Требование может быть более или менее жестким в зависимости от того, к какой разновидности принадлежит беседа. Здесь на одном полюсе находится салонная болтовня, требующая лишь, чтобы в течение одного вечера реплики не повторялись в точности перед одним и тем же кругом слушателей, а на противоположном — академическая коммуникация, в которой каждое высказывание содержит претензию на то, что никто и никогда не говорил этого раньше². Как минимум отчасти, задачи распределения внима-

¹ Что, разумеется, не всегда так. Большая часть разговоров в действительности поддерживается не в целях передачи информации, которая как будто циркулирует между его участниками (кто говорит о погоде, чтобы узнать что-то о погоде?). Практически никакой разговор, однако, не допускает прямого признания этого факта. Академические разговоры тут ничем не отличаются от всех прочих.

² Лишь в некоторых регистрах. Мы не будем разбирать подробно контексты, в которых противоположное терпится или даже приветствуется, но отметим их существование. Например, некоторые академические церемониалы не только допускают, но и требуют практически идентичного повторения одних и тех же ритуальных фраз (обращение соискателя к диссертационному совету). Более глубоко, в академическом мире идеи, которые выдвигает индивид, никогда не должны слишком

ния вытекают из необходимости соответствовать этим требованиям. Для того чтобы знать, что не повторяешь кого-то, надо быть уверенным, что слышал всех, кого следовало слушать.

В отношении правил, определяющих, кого следовало слушать, разговоры делятся на два класса — *ad hoc* и *ex ante*. В первом случае круг тех, кого следует держать в поле зрения, определяется тем, кого держит в поле зрения аудитория реплики. Чтобы не оказаться человеком, рассказавшим один и тот же анекдот дважды за вечер, надо знать, какие анекдоты в этот вечер уже слышали собравшиеся. В случае разговоров *ex ante*, круг тех, кого индивид обязан слышать, определяется заранее по каким-то внешним критериям. Надо знать, кто из определенного круга людей рассказывал, а кто слышал какие анекдоты, даже если этот круг никогда не собирается вместе. То, что их не слышал никто из встретившейся сегодня части этого круга, вообще говоря, не будет достаточным оправданием, если впоследствии выяснится, что их слышал кто-то из отсутствующих.

Наука является крайним примером разговора *ex ante*. Основное императивное требование в отношении ученых состоит в том, что они обязаны поддерживать осведомленность о релевантных новостях в своей области, что значит, что они должны следить за работой всех остальных специалистов в ней. Есть глубокие причины, по которым правильному распределению внимания придается почти сакральное значение. Основной легитимационный миф науки, поднимающий ее в глазах самих ученых над другими сферами социальной жизни, — это кумулятивность, позволяющая каждому внести свой вклад в возведение общего строения и в этом смысле дающая ему бессмертие [Соколов 2009а]. Кумулятивность, однако, не возникает сама собой. Как и все остальные разновидности смысла в социальной жизни, она не открывается, а создается. Для того чтобы она существовала, нужно, чтобы все вели себя по правилам: держали в поле зрения все, что имеет отношение к их области, и фиксировали все значимые события в ней, а также своевременно оповещали остальных о своей работе. Те, кто пренебрегает этим, ставят под сомнение смысл жизни многих других людей¹.

отличаться от идей его предшественников и тех, которые он сам высказывал раньше [Полань 1998 (1958)]. Разные коммуникативные регистры в разной степени терпимы и требовательны к сочетанию традиции и инновации, и некоторые особенно поощряют преемственность. Дежурный апологет качественных методов в социологии может получить приглашение за приглашением выразить в торжественной обстановке свое презрение к количественным, желательным примерно в тех же самых особенно удачных выражениях, что и прежде. Тем не менее регистры, в которых сообщение содержит большую долю новизны, считаются конститутивными для академической профессии.

¹ А также легитимность всего научного предприятия в глазах не ученых, что может повлечь за собой самые тяжелые экономические и политические последствия.

Дополнительные проблемы с наукой состоят в том, что в ее случае мы имеем дело с разговором, участники которого разделены временем и пространством и, соответственно, не могут считать такие простейшие физические маркеры распределения внимания, как положение корпуса, поворот головы или направление взгляда. Каждый из пытающихся присоединиться к беседе не может точно сказать, кто в ней уже участвует, поскольку некоторые легитимные участники могли просто не объявить о себе ни одним из легко считываемых сигналов. Но если в нормальном разговоре *ad hoc* это было бы равносильно их отсутствию, здесь то, что и сам нарушитель, и окружающие могут долгое время не догадываться о произошедшем сбое, вместо облегчения становится источником новых тревог. Неудивительно, что собрание вместе «пространств внимания» или «сцен», позволяющих охватывать свою область единым взглядом (организация конференций и издание журналов, унификация учебных программ и контроль их освоения, составление обзоров литературы и наукометрических графов), отнимает едва ли не больше академических сил, чем их наполнение содержанием.

Помимо этой, позитивной, работы по созданию пространства внимания, в академическом мире происходит другая, негативная. Соответствие правилам распределения внимания, вообще говоря, является основным критерием, по которому *X* признается достойным того, чтобы его слышали. Большая часть статей отклоняется рецензируемыми журналами из-за недостаточности обзора литературы; вступительные экзамены на аспирантскую программу в основном состоят в выяснении того, читал ли претендент книги, которые, по мнению приемной комиссии, он должен был читать, и не читал ли он книг, которых читать не следовало (или, во всяком случае, осознает ли он, что в этом не стоит признаваться). Эти действия приближают практически разговор *ex ante* к разговору *ad hoc* — те, кто не присутствуют мысленно в нем, теряют право на то, чтобы требовать интереса к себе — и дают ученым немного перевести дыхание. К несчастью, исключение действует относительно гладко лишь в случае с индивидами. Когда разговор, который должен был бы быть единым, начинает дробиться на сопоставимые по численности группы участников дискуссии, простое отлучение перестает работать, поскольку более не ясно, кто кого вправе отлучить.

Истоки уязвимости дискуссий

Есть несколько причин, почему дискуссию — зарезервируем этот термин для разговоров, которые перекрывают ту или иную

академическую область — никогда не удастся выдержать в полном соответствии с нормативными рамками, особенно в социальных науках. Мы рассмотрим три: демографическую, тематическую и инфраструктурную.

Демографические проблемы. Прежде всего, как и в повседневном разговоре, в академической дискуссии есть естественные ограничения на число тех, кто может в ней участвовать. При той частоте реплик, которой требуют, в частности, современные меры публикационной производительности, это число составляет несколько десятков человек. Пятьдесят может быть вполне правдоподобной оценкой верхней границы числа тех, за чьей работой индивид может пристально следить¹. Группа ученых, превышающая это число, уже не будет соответствовать идеалу «все слушают всех». Когда пороговая численность превышена, события могут пойти по одному из нескольких сценариев, которые можно отобразить графически.

Если мы нарисуем отношения поддержания внимания к работе друг друга внутри популяции ученых в виде стрелок, то получим один из графов, хорошо известных по учебникам социально-сетевого анализа (например, [Hanneman, Riddle 2005]). Три вариации здесь наиболее распространены. Ученые могут разбиться на группы по 50 человек, образовав изолированные монады, внутри которых все читают всех, но никто не знает, что происходит во внешнем мире. Они могут разбиться на немного меньшие группы (скажем, по 49 человек), поручив каждому из инсайдеров следить за тем, что происходит в одной из внешних групп, и сообщать им новости (это называется «small-world модели»). Они могут образовать значительно большее по численности скопление, у которого будет, однако, ядро все той же численности примерно в 50 человек и неограниченных размеров периферия. Члены ядра будут реагировать друг на друга и не будут обращать внимания на членов периферии. Члены периферии станут также следить за теми, кто принадлежит к ядру, хотя это внимание не будет обоюдным, и игнорировать других членов периферии. Если предыдущие модели напоминают кружки в салоне, между которыми нет (в первом случае) или есть (во втором) какое-то сообщение, то третья модель больше похожа на амфитеатр, в центре которого водружена сцена, на которой происходит

¹ Речь идет о социальных науках, где автором реплики обычно является индивид, диада или, самое большее, триада, а не исследовательский коллектив, состоящий из десятков человек, и доминирующей формой публикации является статья, а не, скажем, короткое сообщение. Тем не менее интересно, что в классической литературе по социологии науки обычно даются сходные оценки нормальной численности и для естественно-научных специализаций: [Crane 1969; Whitley 1976].

диспут¹. Последние два типа могут объединиться в гибридную модель — небольшие группы на периферии, часть внимания которых обращена вовнутрь, а часть — наружу, в условный центр, который это внимание не возвращает. Примером являются, скажем, различные предметные области, представители которых следят одним глазом за разработками в области высокой теории. Возникающая здесь асимметрия в распределении внимания создает отношения иерархии между разговорами.

Тематические проблемы. Сама по себе фрагментация внимания повсеместно считается учеными прискорбным обстоятельством, но еще не подрывает легитимности научной коммуникации в целом. Правило «каждый следит за значимым развитием своей области» может быть соблюдено за счет прогрессирующего сокращения широты областей и, возможно, повышения требований к значимости². Острые проблемы возникают там, где границы «своей области» или «значимости» неизлечимо расплывчаты, как это имеет место в философии, социологии, политологии или теоретических аспектах истории и антропологии. Каждая из этих дисциплин постоянно рискует разделиться на группы, использующие разные определения того, что релевантно, и соглашающиеся рассматривать лишь тех, кто использует только то же определение, как полноценных коллег, которые, в свою очередь, заслуживают того, чтобы им уделяли внимание. Такие группы представляют собой постоянную угрозу друг для друга. Правота одной из них означает, что

¹ Уже в первых публикациях, применяющих социально-сетевой анализ к академической сфере, было показано, что эта форма является самой обычной для научных специализаций ([Crane 1969; Breiger 1976]; современная попытка — [Moody 2004]).

² Болезнь усердного аспиранта вытекает отчасти из неспособности понять, что уже не входит в эти границы. Представьте себе молодого антрополога, который изучает семейную организацию определенного племени. Безусловно, вводная часть диссертации должна перечислить все уже написанное по этой узкой теме и продемонстрировать новизну его выводов в этом контексте. Дальше, однако, он, вероятно, захочет прочитать все написанное об этом племени вообще. Это усложнит работу и отложит завершение диссертации на несколько месяцев. Потом дела могут пойти еще хуже: он поймет, что преждевременно выходить на защиту, не узнав всего об антропологии родства (а не только содержания хрестоматии с классическими текстами и текущей периодики). Наконец, в качестве последнего аккорда, к ужасу научного руководителя, аспирант может обнаружить, что психоанализ и социология тоже имеют то сказать на эту тему и великие предшественники вроде Эдварда Сэпира и Клода Леви-Строса считали их знание обязательным, а заодно что говорить что-либо вообще опрочетчиво, не освоив философии языка. Значительная часть ориентированных на аспирантов пособий по академическому письму в главах, посвященных составлению обзоров литературы, в действительности учит тому, как побороть панику, остановиться в какой-то момент в этом бесконечном регрессе и не пытаться составить обзор, включающий все книги со времен Гоббса (например, [Walcott 1990; Becker 2002]). Психологические рекомендации, однако, представляют собой лишь слабую замену социальной организации. Трюизмом для социологии интеллектуальной жизни является то, что в ней доминируют небольшие сплоченные теоретические группы (например, [Коллинз 2002]). По крайней мере часть их силы состоит в том, что они дают своим членам спокойную уверенность, что они уже прочитали все, что того заслуживало, и, наконец, могут начать писать.

другие с самого начала приняли неверное решение и прожили академическую жизнь, лишённую всякого смысла¹.

Такие дискуссии являются, помимо всего прочего, естественными локусами академической солидарности и могут ожесточенно конкурировать между собой за экономические и политические ресурсы. Их представления о релевантности часто отражают конкурирующие философии науки (можно ли заниматься, скажем, историей, не будучи знакомым с последними достижениями эпистемологии или математической статистики?) и обычно легко поддаются экспликации. Однако нечто подобное им может хронически возникать и в иных, менее отчетливо осознаваемых обстоятельствах, в которых по какой-то причине формируется несколько фокусов коммуникации, вроде бы частично тематически перекрывающихся друг другом, но при этом в значительной мере изолированных. Эти обстоятельства принадлежат к тому типу, который выше был назван «инфраструктурным».

Инфраструктурные проблемы. Однако перед тем, как перейти к ним, соотнесем дискуссии в науке с еще одним институтом, который представляет собой социальную драматизацию того же первичного процесса распределения внимания², — ритуализированным обменом визитами, которые представляли собой способ утверждения статуса во многих разновидностях праздных высших классов. Посещение друг друга было основным (в смысле ощущаемой значимости, если не в смысле уделяемого ему времени) занятием многих аристократий³. Дома, в которые члены семьи получали приглашения, а также список тех, кто принял приглашения посетить их, были основным показателем социальной позиции семьи⁴. Аналогия легко рас-

¹ Ричард Уайтли называет дисциплины, успешно справившиеся с установлением легитимной внутренней классификации, позволяющей выделять все новые внутренние области, «зонтичными», а те, которые не обзавелись таким принципом, — «политеистическими» [Whitley 1976]. Примерно в то время, когда он писал эту статью, социология проделала часть пути в направлении зонтичности за счет освоения словаря «перспектив». Этот словарь, однако, в лучшем случае был паллиативом, поскольку границы между самими перспективами (а) не поддавались сколько-нибудь точному определению; (б) подразумевали огромные потери в ощущении осмысленности работы (см. далее).

² Читатели, склонные к такого рода экзегетике, легко разгадают, что авторы стоят на дюркгеймианской позиции по отношению к социальному порядку, предполагающей, что любая устойчивая его форма строится по модели, знакомой нам по личным соприкосновениям лицом к лицу. «Порядок интеракции» есть подлинный фундамент любого общественного устройства [Durkheim 1968 (1912)]. Так же как научная коммуникация строится по модели разговора, прочие институты так или иначе эксплуатируют наиболее интимно знакомые нам формы взаимодействия.

³ Классические социологические описания содержатся в: [Элиас 2002 (1969)] и [Zorbaugh 1929].

⁴ Имели значение также, разумеется, форматы мероприятия: некоторые были более демократичны, чем прочие. Так, Зорбо в описании траектории social climber на чикагском «Золотом берегу» 1920-х отмечает, что визиты, в которых родители появлялись как сопровождающие своих детей лица, отличались несравненно большей открытостью, поскольку детям прощалась неразборчивость в социальных связях, которая никогда не сошла бы с рук их родителям [Zorbaugh 1929: 46–69]. Штурм социального Олимпа стоило начинать с детских утреников.

пространяется на науку. Внимание представляет собой мысленное присутствие. Статус ученого в какой-то дискуссии определяется тем, где он мысленно побывал, и тем, кто счел его достойным своего внимания. Два отличия, однако, бросаются в глаза. Во-первых, в отличие от визита, представляющего собой легко наблюдаемое событие, мысленное присутствие становилось заметно лишь благодаря дальнейшим поведенческим сигналам. Многие из писавших на эту тему указывали, что роль цитирований и ссылок в не фактопроизводящих науках состоит не столько в том, чтобы обосновать knowledge claims, сколько в том, чтобы подтвердить, что автор осуществил правильный набор визитов, и наоборот, получение цитирований означало, что многие удостоили визитом его (например, [Hargens 2000]).

Во-вторых, в отличие от визитов в частные дома, в которых может быть отказано, интеллектуальные визиты невозможно предотвратить. Их можно, однако, не вернуть, и в этом смысле представители элиты все еще обладают преимуществом перед представителями масс: даже если они не могут запретить посещать себя, они могут игнорировать приглашения заново прибывшего, навсегда задержав его где-то на окраине своего мира. Возможности деспотического применения ресурсов для эксклюзии каждым из них в отдельности, однако, сдерживаются тем, что и его собственный статус определяется правильно-стью выбора домов для посещения. Не посещать того, кого посетили уже все, — значит выглядеть исключенным из своего круга. Все вместе, однако, члены элиты или инсайдеры могут поддерживать общий фронт перед лицом представителей масс или аутсайдеров сколь угодно долго [Elias, Scotson 1994].

Представим себе теперь группу, часть которой отказывает в ответных визитах другой. Дальнейшие события могут идти по одному из двух сценариев. Исключенные могут принять свое место в порядке клевания и радоваться даже небольшому индивидуальному продвижению вверх в иерархии. Они могут объявить себя новой аристократией и отказаться принимать во внимание существующую статусную систему, пока она не кооптирует их как минимум в качестве равных. Те экономические и политические ресурсы, которые контролирует каждая из групп, в конечном счете определяют, что именно произойдет. Повсеместный подъем буржуазии в европейской истории заставил придворные общества пересмотреть свои критерии эксклюзии с тем, чтобы инкорпорировать новую доминирующую группу. Аристократии, которые своевременно не сделали этого, пришли в упадок. Однако мощная инерция традиционного порядка, длившаяся веками, свидетельствует о самостоятельной силе, которую имели устоявшиеся соображения престижа.

И здесь мы встречаемся с последним, инфраструктурным, фактором, вмещающимся в соответствие дискуссии нормативному образцу. Он, в действительности, объединяет три разнородных составляющих — географическую, политическую и социализационную¹. Во-первых, то, кто кого слышит в академическом мире, определяется в том числе физической дистанцией. Преодоление пространства требует затрат. Те, кто находится рядом, имеют больше шансов услышать друг друга, причем зависимость тем сильнее, чем жестче ограничен бюджет. Во-вторых, многие финансовые и юридические рамки так или иначе поощряют сотрудничество внутри одного национального государства, а не между ними. Достаточно вспомнить, насколько сложной условия большинства российских грантов делают выплату денег иностранцу. В-третьих, остаются дистанции, которые вытекают не из характера специализации (такие изолируют дискуссии совершенно легитимно), а из различий в естественном языке. Все вместе они создают мощную тенденцию к регионализации и национализации научной коммуникации [Luukkonen et al. 1992; Wagner, Leydesdorff 2003]. В результате, прежде чем начать говорить, ученым приходится выбирать между аудиториями, структурированными не по тематическому, а по инфраструктурному признаку — писать на этом или том языке, публиковаться тут или там — осознавая, что другая, не целевая, аудитория их вряд ли услышит.

Как выбирают, в каком разговоре участвовать в этой ситуации? Здесь есть два соображения: эффективность доступа и легитимность суждения об относительной ценности разговоров. Если они примерно равноценны, то говорящий может безбоязненно сосредоточиться на том разговоре, к которому он обладает лучшим техническим доступом (то же самое, разумеется, относится к ситуации, когда этот разговор считается внутренне более ценным).

У эффективности доступа, в свою очередь, есть два измерения: доступ к слушанию и доступ к говорению. Можно искренне желать услышать своих северокорейских коллег, но, учитывая расстояние, издержки политического климата и сложность языка, осознавать, что усилия, потраченные на получение одного бита информации из Страны Утренней Свежести, могли бы дать несколько мегабайт из более доступного источника.

¹ Инфраструктура понимается здесь как совокупность обеспечивающих коммуникацию ресурсов, которые рассматриваются самими коммуницирующими как вспомогательные или служебные и в качестве таковых с легким сердцем оставляются в стороне при всяком «обсуждении по существу». Характерным образом, они по возможности делаются невидимыми — или физически (как трубы или провода в современном городе), или нарративно [Хархордин, Алапуро, Бычкова 2013].

Рациональной стратегией в этом случае будет пользоваться простой в получении информацией, если нет повода предполагать, что она качественно хуже.

Аналогично, в зависимости от местоположения и родного языка ученого, как минимум в одном из этих разговоров он будет находиться в невыгодном положении из-за географической отдаленности и лингвистического несовершенства. При равной ценности участия рациональной стратегией будет ограничиться тем разговором, доступ к которому проще. Более того, обычно есть серьезные причины для того, чтобы выбрать только один из разговоров, а не пытаться участвовать в двух сразу. Даже если доступ к ним одинаково прост, из-за демографических ограничений, о которых шла речь выше, индивид обнаружит, что является не вполне полноценным участником каждого из них, поскольку или пропускает по половине реплик, или вынужден прилагать двойные усилия, чтобы поспевать за беседой¹.

Другой, невыбранный, разговор, однако, всегда будет оставлять что-то вроде смутного чувства вины: вдруг именно там говорится нечто такое, что следовало бы услышать в первую очередь? Ученый, сделавший выбор, будет нуждаться в постоянных подтверждениях его правильности, как для собственного душевного спокойствия, так и для обоснования легитимности своей линии поведения в глазах других. Первое будет подталкивать его к самоизоляции: он может начать активно избегать ситуации, в которой ему придется убедиться в том, что пропустил что-то заслуживающее внимания. Кроме того, он воспользуется любой возможностью обзавестись идеологией, объясняющей, почему его выбор легитимен, и транслировать ее максимальному числу окружающих. Наконец, он использует то обстоятельство, что эти окружающие считают его коммуникативное поведение как указание на то, как им распределять собственное внимание, чтобы распространить свою модель поведения и дальше. Он постарается не привлекать их внимание к существованию дискуссии, в которой не участвует, ведя себя так, словно ее нет вовсе. Производимая им работа аналогична психоаналитическому вытеснению, но только происходящему в межличностной, не внутриличностной, коммуникации². Эту форму адаптации к коммуникативной

¹ Это, разумеется, не абсолютный закон. Из участия в двух параллельных разговорах можно извлечь и стратегические преимущества, и некоторые из них мы встретим ниже, говоря о провинциальной науке. Тем не менее обычно есть серьезные причины, подталкивающие к ограничению только одной беседой.

² Такого рода институциональная интерпретация психоанализа развивалась Гоффманом, например, в: [Goffman 1961].

дистанции, подразумевающую добровольную изоляцию от дискуссий, к которым индивид обладает ограниченным инфраструктурным доступом, мы назовем *туземной* наукой.

Туземная наука возникает в ситуации, когда разговор, в котором индивид может участвовать эффективнее, исходно считается по крайней мере не менее ценным, чем альтернативный. Если тот разговор, в котором индивиду проще участвовать, не есть тот, участвовать в котором он считает важнее, то для него открываются два пути. Выбор между ними определяется тем, насколько слушание доступнее, чем говорение. Если они примерно одинаково доступны, то ему остается полностью погрузиться в более важный разговор, что обычно подразумевает эмиграцию к его институциональной базе¹. Если, однако, слушание более доступно, чем говорение, то он может выбрать половинчатое решение: мысленно присутствовать в одном разговоре, но физически участвовать в другом. Эту форму адаптации мы назовем *провинциальной* наукой. Ее отправной точкой является вера в то, что все происходящее в непосредственном окружении индивида менее важно и ценно, чем происходящее где-то в другом месте; в данном случае скорее мысленная погруженность в тот разговор, в котором индивид по факту участвует, пробуждает чувство смутной вины.

Мы не будем обсуждать здесь развернуто, что вообще стоит за восприятием одного разговора как более важного, чем другой, особенно в дисциплинах с крайне размытыми критериями важности. Перечислим лишь несколько гипотез.

Во-первых, как и в случае с буржуазными салонами, экономическое неравенство играет свою роль. Те, кто управляет наукой, повсеместно стремятся привязать вознаграждение ученых к их активности в дискуссии. Дискуссия, участие в которой поощряется большим экономическим вознаграждением, может рассчитывать получить лучших участников². Факт добровольного перемещения лучших из одного разговора в другой сам

¹ Академическая коммуникация происходит не только на конференциях. Читатель может сам проследить за тем, сколько сведений о работе коллег впитываются им кожей, во время перекуров, обсуждений студенческих работ, перерывов в лекциях, корпоративных празднеств и перешептываний во время административных совещаний. Тот, кто попытается участвовать в одном разговоре, будучи физически окружен людьми, участвующими в другом, будет, естественно, лишен всего этого.

² Обычно разная оплата за равную продуктивность возникает в рамках национальных наук. Инфраструктурные ограничения в значительной мере являются плодами деятельности национальных государств, изолированные дискуссии в значительной мере возникают в пределах их территории или территорий, на которых они стараются сохранить свое культурное доминирование — как бывшие метрополии в случае со своими бывшими колониями [Сафонова 2011]. Поскольку их экономические ресурсы и политическая мотивация различны, то и вознаграждение за участие в разных дискуссиях различно.

по себе становится недвусмысленной иллюстрацией относительного качества¹.

Во-вторых, традиционный престиж центров в данной дисциплине имеет значение; разговор, ведущийся в какой-то комнате, всегда вбирает отзвук разговоров, которые звучали в ней прежде. В голосах кембриджских экономистов всегда будет отдаленно слышаться фальцет Кейнса.

В-третьих, престиж в более парадигматических областях с лучше определенными критериями важности также имеет значение (критерий, тесно связанный с экономическим процветанием, поскольку более парадигматические области имеют тенденцию быть также экспериментальными и капиталоемкими). Престиж здесь как бы расплескивается, доставаясь всем тем, кто находится физически рядом, даже если они тематически участвуют в совершенно другом разговоре².

В-четвертых, массовое восприятие, во многом сформированное рейтингами, также накладывает свой отпечаток. Мало кто может остаться безучастен к тому, что люди с улицы будут более внимательны к голосам представителей топовых университетов³.

Наконец, в-пятых, самое общее восприятие соотношения между социальными контекстами, в которые погружены разговоры, влечет за собой выводы об иерархии между ними. Это создает мощное притяжение между туземной наукой и всеми формами национализма и политического изоляционизма и между провинциальной наукой и всеми формами политического космополитизма или низкопоклонства перед границей. В российских социальных науках водораздел между теми,

¹ С точки зрения туземной науки, факт дезертирства, впрочем, можно рационализировать, интерпретировав как бегство из более требовательной коммуникативной среды в менее требовательную. Так обычно трактуется переход из математики в другие дисциплины. Надо отметить, что, помимо экономического процветания как такового, имеет значение и институциональная эффективность, позволяющая ученым делать меньше неприятной работы и больше приятной (например, заполняя меньше бюрократических форм) или быстрее продвигаться в системе академических рангов. Перемещение, обусловленное этими соображениями, все равно влечет за собой выстраивание иерархии.

² См. например, статью: [Keith, Babchuk 1998], в которой показывается, что престиж аспирантских программ в американской социологии в значительно большей мере производится от престижа университетов, в которых они локализованы, чем от продуктивности их преподавателей. Престиж университета, в свою очередь, зависит прежде всего от доминирования в сфере естественных наук. Принстонские социологи могут перестать публиковаться вовсе, не ставя положение своего департамента под угрозу, поскольку Эйнштейн уже сделал за них всю работу.

³ Мы упростили себе задачу, говоря о легитимных алгоритмах распределения внимания и поиска информации в единственном числе. Людям свойственно использовать разные алгоритмы в зависимости от того, в какой степени они знакомы с областью, к которой эти алгоритмы приложимы. Чем больше дистанция, тем сильнее опора на формальные и обобщенные сигналы, такие как университетские рейтинги. То, что является вполне законным ходом на одной культурной дистанции, может перестать быть таковым на другой.

кто верит, что читать западные книги важнее, чем русские, и теми, кто уверен в обратном, проходит более-менее по линии, отделяющей Болотную площадь от Поклонной горы [Соколов 2010].

Вероятно, список факторов можно продолжить. Для нас здесь важно то, что определенные таким образом туземная и провинциальная наука представляют собой идеальные типы, абстракции моделей поведения. Их подобию сами собой возникают во всех национальных академических мирах, кроме того мира, который в данную историческую эпоху обладает интеллектуальной гегемонией и становится столицей. К нему провинциалы хотели бы ощутить свою причастность, а туземцы хотели бы забыть¹. Сегментация дисциплинарных сообществ во многом происходит по этому признаку.

Провинциальная наука

Мы не будем долго задерживаться на обсуждении провинциальной науки. И авторы этого текста, и редакция «Антропологического форума», и значительная часть его вероятных читателей локализованы в одной из ее безусловных столиц в России — Европейском университете. Чтобы рассмотреть ее поближе, им достаточно просто оглянуться по сторонам. Прочие читатели, осмелимся предположить, находятся в одной из родственных институций, имеющих все те же черты.

Основной отличительной чертой провинциальной науки является хронический дефицит важности, которую ее представители придают работе друг друга. Эдвард Шилз в своем классическом эссе указал на то, что любая социальная система имеет свои центры и периферии [Shils 1965]. В центрах сосредоточены активности и события, признаваемые обладающими особой значимостью в силу прямой связи с космическим или социальным порядком. Те, кто постоянно участвует в них, вызывают особое благоговение у остальных². Для провинциальной науки дискуссии имеют разную центральность. Ее представи-

¹ Для большинства дисциплин это будет Германия для периода до Второй мировой войны и США — после. Отметим в скобках, что провинциальность или туземность — характеристики, приложимые к дискуссиям разного рода, не обязательно выделяемым по языковому или территориальному признаку. Их можно распространить, например, на описание отношений между разными дисциплинами и субдисциплинами — скажем, туземная политическая история против провинциальной социальной, ждущей света от социологов и экономистов, в поколении школы «Анналов».

² Prestige или статус профессии, согласно Шилзу, определяется не заработной платой, а именно этой связью; плата является следствием, а не причиной ощущаемой важности занятия. Врачи и адвокаты зарабатывают много, поскольку они прямо вовлечены в фундаментальные циклы рождения, болезней и смерти или создания и восстановления социального порядка, а не потому, что их услуги дорого обходятся (поэтому получающие больше всех остальных медиков дантисты стоят в иерархии престижа ниже врачей общей практики, а адвокаты — ниже судей).

тели мысленно поглощены одной из них, хотя произносят реплики, которые не могут быть услышаны другими ее участниками, потому что произнесены не на том языке и не в их присутствии. Те же, к кому они как будто непосредственно обращены, обычно не слушают их по двум причинам.

Прежде всего, соответствующая столичная наука, как правило, многочисленнее. Это значит, что она поделена на значительное число тематических дискуссий, достигших предельного размера, выше наугад оцененного в 50 человек. Менее многочисленная провинциальная наука дробится между ними, поставляя по одному-двум заочным участникам в каждую дискуссию; поскольку тем самым между ними возникают легитимные тематические границы, эти участники не испытывают сильного нормативного принуждения к тому, чтобы интересоваться работой друг друга.

Термин «принуждение» может показаться не совсем уместным в этом контексте. Обыденные (и идеалистические) представления о науке заключаются в том, что интерес ученых в основном мотивируется искренним любопытством. Мы не собираемся утверждать, что любопытство не имеет места вовсе, лишь что академические институты в известной нам форме значительно больше зависят от дисциплинированного и направленного любопытства, распределение которого подкрепляется негативными санкциями¹ — угрозой потерять членство в своем социальной круге, пропустив какой-то важный визит². Отсутствие этого принуждения часто приводит к тому, что визиты не наносятся из-за дефицита времени или даже из затаенной агрессии.

И здесь появляется второе соображение. Поскольку происходящее в центре в провинциальной науке по определению считается более важным и совершенным, действующий нормативный алгоритм вначале требует уделить внимание тому, что

¹ В качестве характерной детали. Во время опроса популяции петербургских социологов, упоминавшегося в статье [Соколов, Бочаров, Губа, Сафонова 2010], при ответе на вопрос «Насколько вам доставляют удовольствие следующие виды активности» пункт «Читать научные книги по своей специализации» получил существенно более низкий балл, чем «Читать научные книги не по своей специализации». Это сложно объяснить чем-то кроме того, что в чтении книг по своей специализации всегда задействован кнут.

² Любопытство в обыденном смысле слова — вещь, в целом слабо совместимая с доминирующей в социальных науках постпозитивистской философией. Любопытство подразумевает желание узнать, как обстоят какие-то вещи. Если, однако, мы говорим себе, что объективно вещи не обстоят никак, а то, что мы видим, есть проекция нашего сознания на окружающий мир, для испытываемого нами интереса к тому, что же обнаружится в конце процесса проецирования, требуется какое-то другое слово, не то, которым описывается зуд выяснять, что было до Большого взрыва или случился ли все-таки у братьев Кеннеди роман с Мэрилин Монро. Спорный вопрос, может ли последовательный конструктивист испытывать любопытство. К чести лучших из конструктивистов надо сказать, что они не особенно последовательны.

говорится там. Собственно, для провинциальной науки именно посещение интеллектуальных салонов метрополии является основным маркером статуса; те, кто принят в них, не рискует потерять лицо, не посетив кого-то из своего круга. Так как все принадлежащие к провинциальной науке в общем-то смирились со своим положением ученых второго сорта, они могут безбоязненно игнорировать друг друга до тех пор, пока у них есть доказательства их опосредованной близости к ученым первого сорта. Известная враждебность, которая всегда существует между академическими коллегами-конкурентами, здесь особенно легко выходит наружу. Как правило, она выливается в войны умолчания, при которых тематически как раз наиболее близкие коллективы игнорируют друг друга. Социологи могут вспомнить конкуренцию разных групп, занимавшихся импортом Бурдые, сетевого анализа или институциональной экономики в Россию и старательно избегавших ссылаться друга на друга публично, а в личной коммуникации отпускавших уничижительные замечания в отношении ограниченности понимания остальными первоисточников.

В силу характера разговора *ad hoc*, который за счет исключения диссидентов приобретает любая научная дискуссия, присоединяющийся к разговору *X* узнает о том, кто еще участвует в нем и кого надо слушать, глядя на то, кого слушают *A*, *B* и *C*. Каждый из них испытывает некоторое искушение сократить круг замеченных *X*, поскольку слова проигнорированных тогда перестанут умалять новизну их собственных реплик. *A* может перестать упоминать *Y* в надежде, что *X* или вовсе не узнает о нем, или заключит, что по какой-то причине *Y* не является человеком правильного круга и от него лучше держаться подальше. В нормальном состоянии *A* удерживает от этого понимание того, что, когда он обратится против *Y*, *B* и *C* обрушатся на него самого как неспособного следить за ходом дискуссии. Если статус *A*, однако, целиком зиждется на том, что он мысленно следует за Ω , а интерес к *Y* в любом случае является факультативным, его агрессивные порывы уже ничто не будет смирять.

Это не значит, что в провинциальной науке никто не видит и не слышит никого. Напротив, в ней есть несколько проверенных способов привлечь интерес, таких, например, как ретрансляция содержания дискуссии, происходящей в мировом центре. Этот жанр проступает особенно выпукло, когда мы проходим часть пути от провинциального полюса к туземному. Для крупных конференций в отечественной социологии, например, типично то, что одно или несколько пленарных заседаний посвящены выступлениям крупных фигур, вернувшихся с мероприятия вроде мирового конгресса и рассказывающих

аудитории, по определению на нем не бывшей, о «положении дел в мировой социологии»¹. Ближе к провинциальному полюсу подобное не происходит, но не потому, что ретрансляции придается меньшее значение, а потому, что она рассеяна повсюду (и потому, разумеется, что самые продвинутые провинциалы знают, что всемирные социологические конгрессы можно посещать разве что в целях сравнительного изучения туземной науки).

Другой причиной того, почему в провинциальной науке кто-то вообще кого-то слушает, разумеется, является обмен жестами доброй воли. Читатель, вероятно, много раз слышал (или сам говорил) что-то вроде «Х была на моем выступлении, поэтому я сходила на ее» или «У нас игнорирует, и я не буду его читать». Внимание здесь понимается инструментально, как дар, которым можно обменяться, и фактически большую часть наносимых в нормальном провинциальном обществе визитов (чтений книг и статей) можно объяснить соображениями реципрокности.

Еще одним источником интереса является сам докладчик. Если он достаточно успешен в столичном обществе, то является моделью, чье поведение копируется; если он принадлежит к самому провинциальному обществу, то его соответствие высоким столичным стандартам, как оно понимается в провинции, становится предметом обсуждения (обычно не особенно благожелательного). За то время, что один из авторов заведовал регулярным факультетским семинаром, он вывел для себя формулу трех типов докладов, которые способны собрать зал. Во-первых, успехом пользовались лекции по новейшим методам сбора или анализа данных, никому не известным в России, особенно качественным — материя, которая способна дать возможность изучающему ее почувствовать себя приобщенным к столичной жизни в кратчайшие сроки. Во-вторых, аудитория более-менее собиралась посмотреть на престарелых звезд столичной науки. В-третьих, важные представители самой провинциальной науки вызывали интерес в основном постольку, поскольку от них ожидалось, что они сделают

¹ Характерно, что все главные (в смысле проданных копий и набранных цитирований) бестселлеры в истории советской и постсоветской социологии, от «Программы социологического исследования» Ядова до «Экономической социологии» Радаева, представляли собой талантливо адаптированные для внутреннего читателя западные учебники. Собственные попытки их авторов внести какой-то оригинальный вклад в развитие теоретической или эмпирической дискуссии пользовались значительно меньшим успехом. Так, например, на март 2013 г., «Программа социологического исследования» Ядова в разных изданиях была упомянута в Российском индексе научного цитирования по меньшей мере 900 раз (более точный подсчет затруднен из-за причудливого устройства РИНЦ), а содержащая наиболее оригинальные теоретические построения его группы «Саморегуляция...» — 68, в то время как главный эмпирический труд советской социологии — «Человек и его работа» — 107.

политическое заявление, объявив кому-нибудь войну (особенным успехом пользовались известные своей агрессивностью младотурки). В остальных случаях их собирались слушать или знакомые, или те, кто пришел придиричиво выяснить, правда ли они так столичны, как хотят казаться, или те, кто хотел заполучить их для какого-нибудь мероприятия.

Все эти виды интереса не являются, разумеется, отличительной особенностью провинциальной науки, но провинциальность придает им особый оттенок. Скажем, любая реплика в ученом диалоге является испытанием, которое можно пройти или провалить; в зависимости от того, пройдено или провалено испытание, акции говорящего повысятся или понизятся. Это создает дополнительный интерес коллег друг к другу, сохраняющийся даже тогда, когда любой другой интерес уже давно угас. Отличительной чертой провинциалов является то, что оценивается не выступление докладчика и уж тем более не содержащиеся в нем *knowledge claims*¹, а предполагаемая реакция столичной аудитории на это выступление.

К несчастью, прямое считывание этой реакции представляет собой известную проблему. Идеальным маркером принадлежности к столичной науке были бы, разумеется, свидетельства того, что ее представители наносят ответные визиты провинциальному претенденту и отвечают на его реплики. Однако поскольку в провинциальной науке зачастую никто не компетентен в той узкой области, которую тот представляет², зафиксировать такие реакции достаточно сложно. Вместо прямого считывания реакция может предсказываться на основании соответствия реплик и того, кто их произносит, самым общим и легко идентифицируемым формам поведения.

Провинциальная наука отличается тенденцией ритуализировать любые поведенческие паттерны, наблюдаемые в столичной науке, и воспроизводить их в утрированном виде. По

¹ Можно возразить, что это типично для социальных наук в целом, не для какой-то их разновидности. Подсчитав частоту разных типов критических комментариев в рецензиях, читатель легко убедится, что подавляющее большинство в них относится или к полноте обзора литературы, или правомочности процедуры сбора и анализа данных. Оценке здесь, таким образом, подвергается легитимность способа действия, не правдивость сообщения в свете каких-то сведений или соображений, которые есть у рецензента (отметим очевидный контраст с экспериментальными науками, в которых в обязанности рецензента часто входит повторить опыт или наблюдение). Однако в провинциальной науке оценивается даже не легитимность, а лишь предполагаемая легитимность в глазах тех, кому делегируется выносить такие суждения.

² Если небольшое число близких коллег все же находится, то они обычно так ревниво относятся к конкуренту за право прислониться к той же области «мировой науки», что доверять их суждению нельзя. Чаще всего от них можно услышать комментарии вроде «Х говорит всем, что он главный ученик Y, но тот над ним на самом деле смеется почти в открытую, а приезжает просто потусить».

ней стремительно распространяются представления о том, как «там принято», иногда совершенно фантастические¹. Она берется копировать все, что поддается легкому наблюдению и копированию. Во времена, когда это являлось частью международной студенческой моды, она была миром штанов с самым большим количеством карманов (сегодня она стала миром рубашек с самым большим количеством клеток). Со скоростью лесного пожара по ней распространился жест парами указательных и средних пальцев, обозначающий закавычивание (сейчас его используют только самые провинциальные из провинциалов). Она создает необъятный спрос на любые практические руководства и курсы по академическому письму, которые обещают решить проблемы международной публикации за счет овладения простыми правилами стилистики и композиции. Она берется бездумно нанимать на международном рынке людей «с международными степенями», не зная, что с ними впоследствии делать².

Любые признаки личной близости к столичной науке в ней превращаются в символы статуса. Этими признаками становятся длительные стажировки, участие в конференциях, совместные исследования, даже если роль провинциальной стороны в них сводилась к эксплуатации в качестве источника сырых данных. Провинциальная наука создает культ из физических визитов столичных знаменитостей как замены мысленных посещений и коллекционирует тех, кого удалось заманить прочесть лекцию и поужинать³.

Почему в мире, целиком построенном вокруг поклонения «международной науке», вырастает так мало людей, которые

¹ Во время одного из первых погружений в провинциальную науку один из авторов получил указание «свести количество областей интереса в CV до двух», поскольку «указывать больше в мире не принято». В свете рассуждений выше о предельной численности дискуссии в этих рассуждениях нельзя не обнаружить рациональное зерно, но легко убедиться, что «у них» этому правилу следуют лишь единицы.

² Чуть дальше к туземному полюсу начинается настоящий рай для международных аферистов, которые могут сколь угодно долго поддерживать иллюзию того, что они достигли вершин международной известности за счет того, что никто толком не знает, каковы наблюдаемые эмпирические референты этой известности. Как минимум большинство там уверено, что главным социологом в мире является президент Международной социологической ассоциации.

³ Даже скромный опыт проведения семинаров однозначно свидетельствует о том, что приглашение знаменитости с лекцией в надежде заставить ее выслушать и оценить приглашающего не срабатывает в подавляющем большинстве случаев — отчасти потому, что знаменитость (как правило, немолодая) поглощена восстановлением после перелета и туризмом, отчасти потому, что пытающихся заставить выслушать себя таким образом слишком много, отчасти, наконец, потому, что ни одна столичная наука не чужда страха почувствовать себя туземной и мало настроена прислушиваться к тем, кого привыкла игнорировать. Тем не менее провинциальные ученые при каждом удобном случае демонстрируют свою коллекцию трофеев. В случае с самыми молодыми и прямолинейными, это часто принимает вид отчетов, начинающихся со слов «а я бухал с...».

в ней фактически принимают более чем платоническое участие!¹ Простейший ответ состоит в том, что положение провинциалов дает достаточные вознаграждения для того, чтобы задержаться в этой роли. Российский академический мир в целом беднее, чем те, по отношению к которым он воспринимает себя вторичным, но отдельные позиции в нем вознаграждаются достаточно щедро для того, чтобы не искать большего. Положение провинциала в целом не слишком почетно, но оно обеспечивает того, кто занимает его, простой человеческой радостью созерцания своего непосредственного туземного окружения сверху вниз. Внимание международной аудитории более желанно, но оно труднодостижимо, а к моменту, когда возникает выбор, большинство провинциалов уже нащупывают какие-то ходы, которые могут дать им минимальное принятие со стороны непосредственного окружения, хотя бы за счет элементарной реципрокности. В большом мире они рискуют потерять даже это и обнаружить, что они обращаются к пустоте². Выбор между переселением в столицу и пребыванием в про-

¹ Вот цифры для социологии. К тому кругу, который можно идентифицировать с провинциальной социологией в России, относится в любой момент времени не менее 300–400 человек (цифра для Петербурга составила порядка 70 человек на протяжении последнего десятилетия, причем сюда входили только люди, неоднократно публиковавшиеся или выступавшие на публике, что исключило большинство магистрантов и аспирантов — см.: [Соколов, Бочаров, Губа, Сафонова 2010]). В базе данных “Web of Science” за 1992–2011 гг. было 330 англоязычных статей, опубликованных в журналах, маркированных как «социологические», по крайней мере один из авторов которых указал почтовый адрес в России. Большинство этих статей, однако, были посвящены биохимии, медицине или физике; журнал помечался в базе как социологический, если публиковал статьи в том числе и по социальным наукам. После того как мы изъяли преимущественно естественнонаучные журналы (были оставлены издания с основным фокусом на экологии и public health), наша выборка сократилась до 133. Многие из оставшихся текстов были написаны в соавторстве с «западными» учеными, или авторами, не принадлежащими к кругу отъявленных провинциалов (например, Олег Яницкий), или опубликованы в переводе. Даже не обращая внимания на эти детали, при самом щедром подсчете российская провинциальная наука за последние 20 лет произвела от силы 0,025 статей в иностранных peer-reviewed журналах на человека в год (т.е. одна статья на 40 человек).

² Это объясняет, видимо, сомнительный успех героической кампании Высшей школы экономики по стимулированию международной публикационной активности своих сотрудников. В 2010 г. ВШЭ объявила о присуждении надбавок размером в 30 тыс. руб. в месяц сроком на два года автору статьи в peer-review журнале, в 2012 г. сумма была уже 60 тыс. руб., наконец, в 2013 г. она поднялась до 90 тыс. руб. Число зарубежных публикаций ощутимо выросло за это время — от незначительных величин в 2006–2007 гг. до 29 в 2009 г., 38 в 2010 г., 79 в 2011 г. и 91 в 2012 г. Численность самих сотрудников ВШЭ, однако, также росла — от 1319 штатных преподавателей и 379 научных сотрудников в 2008 г. до 1448 и 588 в 2011 г. и, наконец, 1615 преподавателей и 673 н.с. только в московском кампусе в 2012 г. В итоге, оценивая средний лаг между подачей и публикацией статьи в календарный год, мы можем сказать, что их годовая производительность выросла примерно с 0,017 статей на человека до 0,048, оставшись на уровне одной статьи на 20 человек. Абсолютная цифра, однако, существенно завышена, т.к. не учитывает региональных кампусов (еще около 600–700 сотрудников) и совместителей. Одна из гипотез, связанных с этим странным отсутствием эффекта, заключается в том, что, одной рукой щедро стимулируя участие в международной дискуссии, ВШЭ еще щедрее стимулировала занятие внутренним администрированием, которое не оставляло времени на написание статей вовсе (изложено в остро критической статье: [Олейник 2011]). Объяснение не кажется, однако, достаточным — в конце концов, лишь небольшая доля сотрудников ВШЭ занимает высшие административные посты.

винции часто превращается в выбор между положением первого в деревне и последнего в Риме. Вместе со сложностями переселения это часто склоняет даже менее тщеславных людей, чем Цезарь, в пользу деревни.

Туземная наука

Принципиально иначе дело обстоит с наукой туземной. На ней мы остановимся несколько подробнее, полагая, что большинству читателей она знакома лишь по случайным встречам или незнакома вовсе. Главная особенность и ценность (как исследовательского объекта) туземной науки в том, что академическая коммуникация в ней предполагает постоянное вытеснение факта существования столичной науки. В тех ее зонах, которые ближе к провинциальному полюсу, это вытеснение принимает эксплицитные формы и выглядит как работа по сознательному построению оппозиционной идентичности — выработке идеологии, отрицающей, что к происходящему в столице стоит прислушиваться. Ключевая задача этой части туземной науки — доказать ее равенство с происходящим во всем остальном мире, а чаще — превосходство. В тех ее зонах, которые дальше от провинциального полюса, о существовании столицы удастся вовсе забыть, по крайней мере на какое-то время. Что происходит там в это время, является предметом величайшего натуралистического интереса. Грубо говоря, если провинциальная наука — это карго-аэропорт, подающий сигналы настоящим самолетам, которые этих сигналов не слышат и никогда на него не садятся, то туземная — это аэропорт, который подает сигналы самолетам воображаемым, и эти самолеты регулярно на такой аэродром садятся. Разница между зонами туземной науки заключается в том, что ближняя постоянно доказывает самой себе и тем, кто согласится слушать, что ее аэропорт и самолеты — такие же, как настоящие, а дальняя зона успешно забывает, что эти настоящие где-то существуют.

Начать, вероятно, следует с истории возникновения и формирования туземной науки как целостного феномена — заглянуть в советскую и постсоветскую историю и попытаться увидеть ее истоки. Советская система управления наукой в числе прочего предполагала экспорт гуманитарных дисциплин в регионы. Однако основным типом экспорта было обеспечение вузов и академических институтов специалистами в области философии, научного коммунизма и политэкономии. Кроме того, гуманитарная наука была представлена преимущественно педагогическими вузами, а также историческими и филологическими факультетами университетов. При этом очень часто при

кафедрах и факультетах¹ функционировали дополнительные структуры (социологические лаборатории, рабочие группы и т.п.). Все представители этих дисциплин были плотно интегрированы в советскую систему академической мобильности и контроля качества научного продукта. Существовали регулярные курсы повышения квалификации, конференции на общесоюзном уровне и все прочие атрибуты «нормальной» академической жизни. Контакты с коллегами с родственных кафедр, с профильными факультетами и академическими институтами существовали и были достаточно активными. Не в последнюю очередь это было нужно для обеспечения идеологического контроля над социогуманитарными дисциплинами. Как хорошая хозяйка салона, советская власть следила за тем, чтобы все участвовали в разговоре и чтобы кружки, общающиеся в разных частях зала, не договорились до чего-то, что перессорит их между собой или, еще того хуже, с ней.

В начале 1990-х гг. произошло два изменения, которые радикально трансформировали это пространство. Во-первых, было полностью закрыто бюджетное финансирование интеграции региональных кафедр в единую систему (как и практически все финансирование академической мобильности, но здесь последствия этого были особенно ощутимы). Во-вторых, сами кафедры вынуждены были срочно осваивать новые дисциплины и формы работы, поскольку из учебных планов были удалены все «их» предметы, кроме философии. С исчезновением возможности общения с коллегами была разрушена одна из главных составляющих науки — система конвенциональной оценки качества производимого продукта. Никто не следил больше, кто и что говорит в разных углах зала и слушает ли кто-то кого-то.

Кроме того, наступило время финансовых бедствий. Некоторые региональные центры интегрировались в возникавшую «грантовую экономику» [Соколов 2009б] и стали провинциалами. Для большинства, однако, основными заказчиками на услуги социальных и гуманитарных наук в момент сокращения финансирования в 1990-х оказались образовательная и государственно-бюрократическая системы. В образовательной системе туземным гуманитариям удалось занять место, создавая гуманитарные факультеты, которые и стали местом воспроизводства туземной науки.

¹ Один из самых интересных вопросов — вопрос о том, насколько различны дальнейшие судьбы кафедр в зависимости от того, на базе каких институциональных структур они сформировались. Будет ли отличаться социология, выросшая из кафедры политэкономии, от социологии, выросшей из кафедры истории партии, или будет ближе к «политэкономической» политологии? Не менее интересен вопрос о том, связано ли это с положением на шкале провинциальная — туземная наука.

Государственная власть требовала от гуманитариев производства двух специфических продуктов. Во-первых, это легитимирующие тексты — придание принятым уже решениям вида обоснованных. Не надо путать это с анализируемой Фуко и Бурдье властью интеллектуалов. Здесь нет власти, здесь есть ситуация, когда придворный астролог говорит, видя, что сюзерен уже принял решение, о том, что звезды благоприятствуют. Он всего лишь придает уверенности тому, кто потом будет это решение исполнять. Теоретически он может начать собственную игру или возражать (взывая к звездам — экономическим и социальным реалиям), но это заканчивается для него так же, как и для астролога в королевском замке. Он очень недолго будет востребован в этой роли. На практике это могут быть всевозможные аналитические записки, вводные части всякого рода директивных документов и подобные тексты, которые придают «учености» решениям, которые уже приняты.

Второй продукт — это тексты, которые нужно производить, однако цель этого производства не ясна. К ним можно отнести планы социально-экономического развития городов (еще в советское время), планы развития регионов, концепции региональной социальной (молодежной, образовательной и несть числа им) политики и прочее. В этом случае гуманитарий ближе скорее к поэту: не может существовать королевский двор, в котором нет поэта. Туземный научный текст работает как ода к восшествию на престол, с ним ничего не нужно делать, он просто должен быть.

И в том, и в другом случае основной аудиторией туземных ученых были аутсайдеры (студенты, чиновники), не другие инсайдеры; более того, это были аутсайдеры, заранее расположенные или, по крайней мере, безразличные к тому, что ученые хотели им сказать (поскольку ученые старались не говорить ничего такого, что могло бы им не понравиться). В этой ситуации никто особенно не был заинтересован в том, чтобы убедиться, что ученые выполнили свою работу по поддержанию пространства внимания, услышали все реплики в соответствующей дискуссии или что кто-то услышал их. Требовалось лишь соответствие минимальным заданным внешним критериям респектабельности, которые продемонстрировали бы, что власти выслушали действительно научные рекомендации, а студенты получили образование в научных центрах.

Эта необходимость была основной причиной сохранения идеи того, что для любой подобной деятельности необходимо еще «заниматься наукой». Это усиливалось периодическими напоминаниями со стороны Министерства образования

и Академии (если дело происходило в академическом институте). Однако научная деятельность стремительно теряла свою содержательную часть. Она превращалась в простую форму, которая позволяла легитимировать существование кафедр и лабораторий в глазах всех заинтересованных структур. Эта история всегда повторяется, когда внешние административные органы начинают регулировать науку. Администраторы нуждаются во внешних критериях, позволяющих недвусмысленно определить, что какая-то реплика в академическом разговоре была произнесена. Они, как правило, не берутся оценить, услышал ли ее кто-то (так как ответная реакция поступает лишь существенно позднее) или была ли она удачной (так как это могут сделать только участники той дискуссии, к которой она принадлежит, а привлечь их трудно и чревато дополнительными сложностями). Они ограничиваются тем, что наблюдают сам факт произнесения реплики, не задаваясь вопросами, не была ли она заведомо обращена в пустоту. Окружение индивида, даже если оно не участвует в той же дискуссии, как правило, может сказать больше о качестве реплики и реакции на нее. Но непосредственные доноры туземных ученых (вузы, госорганы и т.д.) изначально не интересовались качеством производимого теми научного продукта и были заранее согласны на все, на что соглашалось Министерство.

Все стороны, таким образом, сходились на том, что достаточно соблюдать самые общие внешние формы поведения, ассоциирующиеся с участием в научном диалоге. В отношении важности, приписываемой внешним формам, туземная наука походит на провинциальную. Отличается источник внешних форм, степень их детализации и проработки и быстрота обновления. Первым источником формообразования для туземцев стала министерская норма, касающаяся системы гратификации и связанных с этим правил. Информация из этого источника подвергалась некоторым регулярным обновлениям, но требования министерства по определению не могли быть слишком детализированы (нельзя регулировать интонации при чтении доклада). Вторым источником стали воспоминания первых поколений туземных ученых о том, «как должно быть», т.е., по сути, о том, как работала система в советское время. Эти воспоминания отличались существенно большей детальностью и наложили на поведенческие идиомы более осязаемый отпечаток.

Затем пришло второе поколение — студенты, поступавшие на «новые» гуманитарные специальности в первой половине 1990-х гг. Для них эта реальность стала единственно возможной: они не видели советской системы, замкнутая на себя

туземная наука стала для них¹ единственно возможной реальностью. Они именно так восприняли «правильную организацию науки». И сегодня, как показывают наблюдения, представители второго поколения (которым сейчас по 30–40 лет и которые условно называются «молодыми кандидатами») воспроизводят эти правила уже как само собой разумеющееся. Они транслируют их третьему поколению, которое уже весьма ограничено в возможностях контакта с первым — с теми, кто помнит, как производилась советская наука.

Это напоминает классическую завязку академического сюжета: мировая наука погибла, и мы восстанавливаем ее по уцелевшим остаткам подобно археологам [Макинтайр 2000: 5–6]. И то, что мы восстановим, будет очень и очень далеко от истины. Здесь мы наблюдаем ту же ситуацию, только все участники убеждены, что они уже ее восстановили и восстановили совершенно правильно. Таким образом, второе и третье поколение туземных ученых смогут воспроизводить эту модель практически до бесконечности (и, точнее, воспроизводят ее уже сейчас).

Туземная наука² отличается несколькими характерными чертами, вытекающими из ее статуса коммуникативного изолята: особое отношение к публикациям и вообще к текстам будет важнейшей из них³. С одной стороны, у многих туземных ученых, признаваемых в качестве таковых в своей среде, публикаций может не быть вовсе. С другой стороны, у других их количество попросту зашкаливает. В интервью с заместителем декана «молодого» гуманитарного факультета одному из авторов была показана фотография студента со словами: «А это наша гордость — на пятом курсе уже более 200 публикаций. Ну, вот можете его автобиографию посмотреть...» Автор, в свою очередь, попросил посмотреть и список публикаций. И, как и ожидалось, все (sic!) публикации находились в факультетских (очень редко вузовских) сборниках тезисов конференций. В разговоре с самим студентом выяснилось, что такая работа оказалась для него индульгенцией. Он был вовлечен в нее заведующим одной из кафедр в середине первого курса. С момента увеличения его публикационной активности (начало

¹ Нельзя удержаться от напоминания о том, что описывается все же идеальный тип, а не точная зарисовка с натуры.

² В силу дефицита статистической или какой-либо еще информации о туземной науке данное описание будет во многом опираться на этнографические данные.

³ Материалом для приводимых ниже примеров является сборник трудов факультета, работающего в сфере социальных наук, содержащий 74 текста (332 страницы), выпущенный в 2004 г. По понятным причинам здесь не хотелось бы приводить его полное название. Ниже он называется (в слегка измененном виде) “StudiosV”.

второго курса) он практически перестал посещать занятия и готовиться к экзаменам и зачетам.

При этом сами публикации оказываются очень специфичными. Логика цитирования и вообще работы с литературой в туземной науке ощутимо отличается от провинциальной науки, поскольку навязчивая тревога провинциала проглядеть важный источник и произнести от первого лица написанное уже кем-то другим туземцам незнакома вовсе. Коммуникация в их среде исходит из положения, что никто из слушателей не слышал никого постороннего прежде (и соответствие этому ожиданию не без удовольствия поддерживается). Любой академический разговор становится разговором *ad hoc*, причем, как в нормальной светской беседе, его участниками считаются только те, кто регулярно физически присутствует. Сложности, возникающие, когда выясняется, что кто-то что-то все же читал, ликвидируются за счет активного продвижения определенных риторических форм. Речь в туземном тексте должна вестись от имени научного сообщества в целом. Научные руководители очень часто обращаются к тезису о том, что автор пишет от лица всей науки. Рекомендуется подавать всякий тезис как свою позицию, выработанную в процессе исследования¹.

Одна из информанток сообщила прямым текстом, что руководитель заставила ее убирать сноски, говоря о том, что эти же выводы (что и у цитируемых авторов: Б. Андерсона и Э. Геллнера) она могла сделать и сама. Если ссылки оставить, утверждала руководитель, «то какой-то реферат получается — вы все время на кого-то ссылаетесь». В текстах это, как правило, проявляется через минимизацию количества ссылок и формулирование большей части положений от первого лица. Так, в качестве оригинальной, выработанной авторами исследовательской позиции может звучать утверждение: «Мы утверждаем, что сам гендер конструируется через взаимодействие»². В целом это дает возможность показать, что исследователь провел большую теоретическую работу, и указать на этот факт всем возможным критикам.

Реплика туземного ученого — как и всякого другого — должна содержать претензию на новизну. В его распоряжении, однако, имеются дополнительные ресурсы обоснования новизны, которым его провинциальные коллеги могут только завидовать.

¹ Терпимость к плагиату может быть результатом интериоризации этой позиции. При необходимости ее можно было бы оправдать ссылкой на мертоновские нормы «коммунизма» в науке. Впрочем, большинство туземных социологов вряд ли слышали, кто это такой.

² StudiosV. С. 126.

Отсутствие литературы в библиотеках и доступа к базам данных легко позволяет предполагать, что даже если во внешнем мире что-то и было сказано, то вероятная локальная аудитория ничего не слышала. Так, по поводу темы «толерантность»¹ один аспирант говорил в 2004 г.: «Ты не поверишь, об этом так мало написано, не могу найти никакой литературы». Соответственно, в начале каждого текста в туземной науке автор может позволить себе сказать о том, что тема, к которой он собирается обратиться, не изучена вовсе или изучена слабо. Обычно это делается примерно в такой форме: «Философские науки — в частности философская антропология — представляются мало вовлеченными в дискуссию о процессе глобализации»². Такое утверждение позволяет полностью отказаться от какого бы то ни было обзора литературы по изучаемой теме. При этом студентов сознательно приводят к мысли о том, что именно это является нормативной моделью. Утверждается (и разъясняется студентам / аспирантам), что нельзя же прочитать все, что вообще написано, чтобы убедиться в том, что это действительно не изучалось. И, наконец, следует убийственный аргумент «в любом случае, в [название города] об этом еще никто не писал». Инфраструктурно обусловленная изоляция превращается тут в системы нормативных правил, определяющих, кто должен кого слушать и что можно говорить, претендуя на сказанное как на свое открытие.

При этом, поскольку изолированный туземный анклав репрезентирует всю науку, возникает такой феномен, как глобальность задач и выводов. Так, в описании содержания текста на две страницы может быть такой пассаж: «[авторами] ведется активный поиск новых подходов и организационных основ построения системы образования на муниципальном уровне, способных совместить насущные потребности муниципально-общества с условиями его (общества) жизни³ в глобально-открытом устойчиво-безопасном эколого-информационном обществе начала XXI века»⁴. Эта широта активно культивируется на уровне подготовки текстов. Молодых гуманитариев направляют к тому, чтобы формулировать задачи и выводы максимально глобально. Так, в одном случае научный руководитель переписал цель дипломной работы на тему «Аспекты глобализации» (sic!) таким образом, что из «проявлений глобальных процессов в сфере N» она превратилась в «описание

¹ Тема слегка изменена.

² StudiosV. С. 3.

³ Во всех цитатах полностью сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁴ StudiosV. С. 220.

всех ключевых особенностей современного мира, превращающих его в глобальную систему»¹.

Доминирующей формой цитирования в этой ситуации становится самоцитирование. Молодым авторам настоятельно рекомендуют ссылаться на самих себя. Очевидно, что ссылки на свои работы возможны только у тех авторов, у которых эти работы есть. Учитывая, что самые статусные авторы, как правило, пишут наиболее масштабные тексты, доля самоссылок прямо коррелирует с объемом текста. В анализируемом массиве² найдены два текста, где доля самоссылок составляет 100 %. При этом общее количество ссылок в обоих случаях — более 30. Для крупного текста характерно 70–90 % самоссылок. В среднем по массиву их доля около 30 %. Это еще раз позволяет указать на то, что все ключевые работы по заявленной теме выполнены автором или его исследовательским коллективом. Научные руководители всячески стимулируют такую позицию: «Ну у тебя же статья по близкой теме есть [автор пишет о национальных отношениях на селе, прошлая ее статья посвящена проблеме социальных приютов на селе же], ты на нее как-нибудь в тексте сошлись»³.

По мере движения от туземного полюса в сторону провинциального, легкость, с которой существование «большого» мира удается игнорировать, испаряется. Возникает необходимость в каком-то интеллектуальном обосновании собственной изоляции. Одно из таких обоснований предоставляет идея «мультипарадигмальности» социальных наук, второе — их укорененности в определенной конфигурации территориальных интересов. В туземной науке, расположенной чуть дальше в сторону провинциализма, возникает невероятное разнообразие если не тем, то теоретиче-

¹ Записано с рассказа райтера, который на заказ писал эту дипломную работу.

² Четыре источника (все — сборники тезисов или статей), случайно выбранных из книжной летописи двух российских регионов — в сумме более 200 текстов. Различий между источниками не выявлено.

³ Разумеется, всем перечисленным текстуальные различия между провинциальными и туземными учеными не ограничиваются. Возьмем, например, необходимость соответствовать текстуальным академическим канонам. В туземной науке эта проблема решается за счет наукообразной (но не тематически-специфичной) лексики, в первую очередь, в названии, которое в целом оказывается ключевой частью работы — в половине примерно случаев работой с названием и завершается вклад научного руководителя. В названии, как правило, должны присутствовать некоторые «научные слова». На основании анализа текстов можно выделить большое количество таких «лишних слов». Однако в интервью особенно часто встречаются три из них. Это «аспекты», «вопросы» и «некоторые». Практически каждый информант рассказывал о том, как научный руководитель в тот или иной момент дописывал одно из этих трех слов (или даже несколько) в название его / ее работы. Взгляд на тексты в целом это подтверждает. В нашем примере хотя бы одно из этих слов содержится в 12 из 74 названий, в среднем же, по массиву источников из 200 кейсов, подвергнутых количественному анализу, эти слова встречаются более чем в 25 % случаев. При этом характерно, что чаще всего они встречаются именно в студенческих работах. Это позволяет создать критерий, который формально будет определять, где «научный» текст, а где текст «ненаучный». Читатель может сам найти провинциальный аналог.

ских концепций, которые подаются как самостоятельные интеллектуальные «парадигмы», требующие лояльности. От авторов требуется обращение к локальным теориям и локальным наукам.

Регионализация социальной теории не есть новость. Эта тенденция блестяще проиллюстрирована в статье В. Радаева историей про создание новой политэкономии в одном из туземных вузов [Радаев 2000], поэтому не будем рассматривать ее подробно. Скажем только, что в 1990-х гг. в России были созданы целые науки и созвездия туземных наук: «Надо сказать, что новая картина мира [у всех ученых планеты] формируется на стыке таких общенаучных направлений, как глобалистика, эко- и экономинформатика, синерго-гомеостатика, философия открытого общества и др.»¹. При передаче этих нормативов включаются более тонкие механизмы, нежели прямой инструктаж. Так, если студент прослушал несколько курсов лекций, которые были посвящены исключительно «синерго-гомеостатической модели региона» или «экоинформационному подходу к образованию» (в таком виде читаются в одном из наблюдаемых вузов «регионология»² и социология образования), то ему представляется единственно возможным использовать именно эти концепции. Именно так и ставится задача к написанию статьи: «Ну и меня попросили рассмотреть ссузы в рамках синергетического подхода — ну и я конечно так и писала — я просто не знала, что бывает по-другому на пятом-то курсе».

При этом перед нами сфера, в которой существует минимальный, но действующий социальный контроль. Вот история, рассказанная в одном из интервью. В процессе подготовки статьи научный руководитель указал аспиранту, что текст должен содержать в заголовке упоминание о регионологии или регионоведении — профиле кафедры: «Ты, главное, в название что-нибудь про регион вставь...» Секретарь той же кафедры, к которой аспирант обратился за разъяснениями, сказала, что в тексте должно присутствовать определение региона в рамках синерго-гомеостатического подхода³. Например, «регион это конкретно-историческая территориальная социоприродная целостность, обладающая свойством ресурсной, технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства, и является минимальной единицей развертывания ноосферогенеза, которая интегрирует все качества будущей ноосферы»⁴. Мотивировано было так:

¹ StudiosV. С. 211.

² Сама по себе представляющая богатейший материал для работы в рамках нашей темы.

³ «Теоретическая школа», разрабатываемая на этой кафедре.

⁴ К сожалению, не могу привести название работы моего героя, но эта работа относится к близкому типу: Куйбарь В.И. К методологии проблемы устойчивости региона // StudiosV. С. 195–198.

«У нас же научная школа по регионологии — и работать надо так, чтобы эту тему поддерживать. Эти тексты, конечно, никто читать не будет, но если вдруг [имя зав. кафедрой] решит — у него с похмелья бывает — пусть там что-нибудь подобное будет». С тех пор именно так и поступал наш информант — в каждое название добавлялось слово «регион», а в тексте писался абзац про синергетику и ноосферогенез. Это обеспечило ему спокойное существование до конца аспирантуры и возможность защитить диссертацию. Зав. кафедрой и его коллеги ждали определенного количества публикаций и конференций по этой тематике с тем, чтобы открыть при университете или научном центре Академии наук лабораторию регионоведения. При этом, по их мнению, существует некий заведомо известный порог, которого необходимо достичь, чтобы приступить к реализации этой идеи¹.

Вторым обоснованием изоляции становится академический национализм, который постулирует необходимость создания локальной социальной науки. Геллнеру принадлежит теория генезиса националистической идеологии как формы культурного протекционизма, изобретаемой интеллектуалами, чтобы закрепить за собой образовательные рынки [Gellner 1983]. Национальный язык и необходимость соответствия (изобретаемым по мере необходимости) традициям успешно пресекали культурный импорт, обеспечивая монополию местных специалистов. Туземная наука в тех сегментах, которые теснее всего соприкасаются с провинциальной, постоянно изобретает все новые версии локальных традиций, желательно связанных с идеологическим консерватизмом, который представляет собой политическое прикрытие этим исканиям. Несколько слов о них на примере социологии еще будет сказано в заключении. Как уже говорилось, организации, предоставляющие кров и финансирование туземным ученым, не выражают никакого протеста против того, чтобы их занятия принимали подобное направление, пока внешние формы этих занятий более-менее соответствуют пожеланиям министерства. Новые требования к интернационализации ведущих университетов отчасти изменили картину, но не слишком существенно². Пока ничто не препятствует воспроизводству сложившейся системы.

¹ Нам не удалось выяснить, так ли это.

² Скажем, кафедра социологии в объединенном Сибирском Федеральном университете досталась В.Г. Немировскому, которого его собственная страница на сайте университета представляет как «изобретателя постнеклассической (универсальной) социологии», разработавшего «социологическую концепцию смысла жизни и соответствующие ей методики сбора данных, которые широко используются в массовых опросах населения и консалтинговой практике» <<http://www.lan.krasu.ru/persons/persid510.htm>>, проверено 17 марта 2013 г.

Заключение: динамика

Как говорилось выше, в большинстве дисциплин мы видим, как сосуществуют обе реакции, часто разделяя всех их представителей на группы или круги в соответствии со степенью их провинциальности или туземности. Две полярные группы базируются в разных институтах: туземная — в основном в государственных вузах, провинциальная — в нескольких негосударственных университетах и некотором количестве НКО [Погорелов, Соколов 2005]. Они различаются множеством культурных особенностей, превращающих их, без преувеличения, в разные академические племена и предельно затрудняющих их контакты даже тогда, когда они по какой-либо причине желают в них вступить¹.

Во всяком случае, в социологии, которую изучали авторы этой статьи, там, где они соприкасаются, провинциальная группа безусловно доминировала в статусном отношении над туземной. Те немногие попытки установить контакты, которые имели место, неизменно инициировались с туземной стороны и прерывались чаще всего в качестве реакции на высокомерное поведение провинциалов; тем не менее туземцы с готовностью к ним возвращались, если казалось, что возникла надежда на то, что другая сторона согласится поддерживать хоть какую-то иллюзию равноправного диалога. Интеллектуальные моды провинциалов хотя и медленно, но проникали в туземную среду, и, во всяком случае, на уровне чаще всего цитируемых имен, происходила постепенная конвергенция [Губа 2012]².

В 1990-х и начале 2000-х гг., во времена расцвета грантовой экономики, доминирование одного из кругов над другим объяснялось сугубо экономическими причинами. Провинци-

¹ Эти культурные различия того порядка, который приобретает устойчивые материальные корреляты. Например, внутриорганизационная коммуникация в провинциальной части дисциплины осуществляется исключительно с помощью электронной почты, в то время как туземная часть освоила ее лишь существенно позднее и до сих пор пользуется относительно неуверенно [Погорелов, Соколов 2005]. Многие крупнейшие туземные организации до сих пор не имеют собственной электронной рассылки или страницы в Фейсбуке. Напротив, телефон или факс широко используются в туземной части, но мало освоены провинциалами. Использование техники, однако, предполагает соблюдение множества сопутствующих коммуникативных правил — переписка по мейлу возможна лишь в организации, сотрудники которой достаточно дисциплинированы, чтобы проверять его не реже двух раз в день, и достаточно нечувствительны к имперсональности соответствующих медиа. Один из туземных боссов сообщил авторам между делом, что не считал возможным явиться на провинциальный семинар, хотя и очень хотел, поскольку узнал о нем из обезличенной рассылки, пришедшей по электронной почте. Из дальнейших расспросов выяснилось, что он считал оскорбительными любые приглашения, кроме личных, поступивших по факсу или телефону. Технологии, этикетные формации и кластеры научной коммуникации переплетаются тут в один клубок. Мы благодарны Олегу Хархордину за это соображение.

² Надо иметь в виду, однако, что в Петербурге, по которому данные собирались наиболее систематически, самые туземные из групп все равно были бы законченными провинциалами по меркам остальной России.

альный сегмент вербовал молодых участников, предлагая им магистерские стипендии, превосходившие профессорские зарплаты в туземных организациях. «Иметь грант» тогда было синонимом богатства и профессионального признания, даже если «грант» означал поденную работу по сбору интервью для прикладного проекта иностранного НКО. Либеральный политический климат периода до 1998–1999 гг. также гармонировал с академическим провинциализмом.

Период экономического роста и усиления политического антивестернизма, которые в полной мере начали ощущаться после 2003 г., удивительным образом не привел к упадку провинциальной науки. Присутствие западных фондов сократилось, но финансирование государственных бюджетных учреждений, наоборот, выросло, политический режим рассматривал поддержку академической сферы прежде всего как способ генерирования интернациональной «мягкой власти». Это неизбежно подразумевало обращение к людям, которые могли пообещать увеличение международной visibility¹. Неудивительно, что это часто были те же самые люди, которые прежде обещали примерно то же самое западным фондам.

Это не значит, что никто из туземцев не пытался сопротивляться. Академический национализм расцвел в конце 1990-х и первой половине 2000-х гг. В знакомом нам примере возникла целая индустрия текстов по истории русской социологии, направленных на классикализацию национальной социологической традиции, которая сделала бы ее самопровозглашенных наследников не хуже наследников Вебера или Дюркгейма. Появление еще одного полновесного классика означало бы, что обе традиции одинаково туземны по отношению друг к другу. Были созданы локальные культы Ковалевского и Сорокина со всеми их атрибутами — мемориальными конференциями, премиями, чтениями, медалями и индустрией биографической литературы. В столице туземцев², которой, особенно в 2007–2008 гг., являлся факультет социологии МГУ³, делались попыт-

¹ В случае с естественными или техническими науками к академической политике примешивались и иные соображения, но от социальных наук по факту не ожидалось ничего хорошего, кроме хотя бы небольшого укрепления позиций российских университетов в рейтингах.

² Среди тем, которые этот текст оставил за скобками, для нас самих особенно интересна, возможно, та, которая связана с появлением «двойной туземности» или «двойной провинциальности» — если в первично провинциальном обществе статус утверждается через личное знакомство с Бруно Латуром и чтение его черновиков, то во вторично провинциальном — через знакомство с тем, кто знаком с Латуром, и чтение черновиков предисловия к русскому переводу «Лабораторной жизни».

³ Характерно, что это был социологический факультет главного вуза страны, который, надо думать, первым обнаружил, что экономические причины для низкопоклонства перед Западом иссякли и, более того, что последовательный провинциализм подрывает его возможность зарабатывать деньги на своих студентах.

ки и более радикального пересмотра социологического наследия, которые должны были продемонстрировать превосходства выковываемого там под руководством А.Г. Дугина знания над всей профанной западной традицией. Давление «мировой культуры» [Meuer, Schofer 2005], однако, оказалось сильнее — оглавления учебников за авторством декана соцфака В.И. Добренькова или государственный образовательный стандарт по социологии, скомпилированный под его редакцией, ускользающе мало отличались от продукта, произошедшего из провинциальной Высшей школы экономики. Более того, радикальность экспериментов Добренькова привела к падению его акций даже внутри туземного лагеря и постепенному переходу инициативы от МГУ к РГСУ и от подконтрольной ему Российской социологической ассоциации к Союзу социологов России¹. До тех пор пока не произойдет какого-то особенно крутого поворота политического курса от модернизационного к традиционалистскому авторитаризму², доминированию провинциалов ничего особенно не грозит извне.

Существуют, однако, угрозы, происходящие изнутри. По мере роста провинциальных организаций и расширения их поддержки на фоне общего экономического роста внутри них появлялось все больше возможностей для того, чтобы безбедно существовать, мысленно участвуя в общении со столичной наукой и даже утверждая свой статус за счет приглашения ее представителей, при этом никогда не пробуя добавить в ее развертывание хоть одну реплику. Социология в СССР возникла как фрондерски-провинциальная дисциплина, гордая своей вторичностью по отношению в американской социологии, в монументально-туземном советском обществоведении. Паломничества первых советских социологов (Ядова, Фирсова) на Запад и интерес, который они там встретили, навсегда стал для нее символом ее международной; она не считала особенно нужным что-то прибавлять к этому символу. Та же история может повториться вновь, с нынешним провинциальным обществом, которое навсегда сохранит память о великих отцах-основателях, преподававших в Гарварде, считая, что накопленной теми благодати хватит на века вперед.

Как показывает пример советской социологии, провинциальная дискуссия легко мутирует в сторону туземности, если появляется новое поколение, которое может похвастаться большей близостью к столичному обществу. Помимо внешних — вызовов со стороны младотурков — есть, однако, и внутренние

¹ Доказанные обвинения в плагиате, разумеется, тоже сыграли свою роль.

² Теорию таких переходов в русской истории см. в: [Greenfeld 1990].

причины, по которым происходит подобный дрейф. По мере старения и занятия ответственных постов, лидеры провинциалов все меньше могут поддерживать даже мысленный контакт с международной наукой. Карьерный рост оборачивается стационарностью, а та влечет за собой истончение и без того ограниченных контактов. Этот процесс у многих, кроме наделенных величайшим смирением, оборачивается ростом чувства собственной важности, которое все менее совместимо с принятием своей вторичности. На глазах авторов многие начинавшие как провинциалы приходят к отстаиванию неизбывной ущербности импортных теорий в объяснении отечественных реалий — теме, по которой безошибочно опознается просвещенный туземец¹.

Последний вопрос или, вернее, вопросы, на которые мы не можем предложить никакого категорического ответа и которые мы оставляем читателю, — это вопросы о том, какая из двух наук — провинциальная или туземная — лучше в каком-либо высшем смысле и можно ли найти третий путь, не скатываясь ни к одному из описанных нами полюсов, но при этом и не мигрируя в страны, благословленные присутствием столичной дискуссии. Должна ли туземная или провинциальная наука с необходимостью быть плохой? Как ни печально нам это признавать, но именно провинциальная наука здесь оказывается под большим подозрением: ее представители так глубоко и искренне уверены, что все происходящее вокруг них несет отпечаток второсортности, что со скептицизмом отнесутся к любому невиданному в столице новшеству². Добровольное ограничение же себя уже виданными в столице новшествами неизбежно подразумевает вторичность. Туземная наука может быть в более благоприятном положении. Чикагская школа в американской социологии, отдаленным отпрыском которой является этот текст, была в значительной степени изолирована от основных течений европейской мысли своего времени и неслала на себе сильный отпечаток туземности. Никто не будет отрицать, однако, ее значительности.

Что до третьего пути, то он, безусловно, существует. Популярность среди умеренных российских провинциалов «публичной социологии» Майкла Буравого, вероятно, многим обязана

¹ Надо оговорить, что в определении положения индивида на шкале провинциальности — туземности всегда есть большая доля условности. Большинство колеблется вдоль нее со значительной амплитудой, поочередно шарахаясь от эксцессов то одного, то другого полюса.

² Читатель может оценить степень собственной провинциальности, вспомнив, улыбнулся ли он, читая на предыдущих страницах о «синерго-гомеостатической социологии» и тому подобным сюжетам. А теперь скажите, что именно позволяет вам уверенно определить эту социологию как псевдонаучную, кроме того, что ничего подобного не встречается в журналах, одаренных большим импакт-фактором по “Web of Science”?

тому обстоятельству, что она как раз и предлагает один из вариантов такого пути. Буравой призывает социологов обращаться к широкой аудитории, не к узкому кругу коллег. В таких обращениях, однако, нормативное давление, требующее быть первым автором каждой своей реплики, не действует. Имеет значение не то, что она произнесена вообще впервые, а то, что данная аудитория услышала ее впервые, или даже то, что, услышав ее не в первый раз, она дополнительно уверилась в правдивости сказанного. Соответственно, необходимость держать в своем поле зрения кого-то еще ошутимо снижается, и все эффекты, связанные с выстраиванием коммуникативной иерархии, ослабляются. Туземность и провинциальность в том смысле, в каком они использовались в этой статье, исчезают. Вместе с ними, однако, исчезает и все то, что делает коммуникацию «научной».

Библиография

- Губа К.С. Западная теория в петербургской социологии: между Максом Вебером и Эрвином Гофманом // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 83–97.
- Макинтайр А. После добродетели / Пер. с англ. М: Академический проект, 2000.
- Олейник А. Underperformance в теории и университетской практике // Социология науки и технологий. 2011. № 2. С. 68–79.
- Погорелов Ф.А., Соколов М.М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: Фрагментация петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 76–92.
- Поланы М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск: БГК, 1998 (1958).
- Радаев В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 202–214.
- Сафонова М.А. Академическое наследие империй: Куда текут потоки студенческой миграции // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 261–299.
- Соколов М.М. Гоффман, Мэри Дуглас и смысл (академической) жизни: Церемониальные аспекты критических дискуссий в теоретической социологии // Антропологический форум. 2009а. № 10. С. 130–143.
- Соколов М.М. Российская социология после 1991 года: Интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2009б. № 1. С. 20–57.
- Соколов М.М. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 111–132.

- Соколов М.М., Бочаров Т.Ю., Губа К.С., Сафонова М.А. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 66–82.
- Хархордин О., Алапуго Р., Бычкова О. Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica. СПб: Издательство ЕУСПБ, 2013.
- Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М: Языки славянской культуры, 2002 (1969).
- Becker H. Writing for Social Scientists. How to Start and Finish You Thesis, Book, or Article. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2002.
- Breiger R.L. Career Attributes and Network Structure: A Blockmodel Study of a Biomedical Research Specialty // American Sociological Review. 1976. Vol. 41. No. 1. P. 117–135.
- Crane D. Social Structure of a Group of Scientists: An Invisible College Hypothesis // American Sociological Review. 1969. Vol. 34. No. 3. P. 335–352.
- Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. N.Y.: The Free Press, 1968 (1912).
- Elias N., Scotson J. The Established and the Outsiders. A Sociological Enquiry into Community Problems. L.: Sage, 1994.
- Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983.
- Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y.: Doubleday Anchor, 1967.
- Goffman E. Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. Glencoe: The Free Press, 1963.
- Goffman E. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961.
- Goffman E. Forms of Talk. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Greenfeld L. The Formation of Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Ressentiment // Comparative Studies in Society and History. 1990. Vol. 32. No. 3. P. 549–591.
- Hanneman R., Riddle M. Introduction to Social Network Analysis. Riverside, CA: University of California, 2005 <<http://www.faculty.ucr.edu/~hanneman/nettext/index.html>>.
- Hargens L. Using the Literature; Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. No. 6. P. 846–865.
- Keith B., Babchuk N. The Quest for Institutional Recognition: A Longitudinal Analysis of Scholarly Productivity and Research Prestige among Sociology Departments // Social Forces. 1998. Vol. 76. No. 4. P. 1495–1533.
- Luukkonen T. et al. Understanding Patterns of International Scientific Collaboration // Science, Technology, and Human Values. 1992. Vol. 17. No. 1. P. 106–126.

- Meyer J., Schofer E.* The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. No. 6. P. 898–920.
- Moody J.* The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. No. 2. P. 213–238.
- Sacks H.* Lectures on Conversation. Oxford; Cambridge, MA: Blackwell, 1992.
- Shils E.* Charisma, Order and Status // *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30. No. 2. P. 199–213.
- Traweek Sh.* Beamtimes and Lifetimes. The World of High Energy Physics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
- Wagner C., Leydesdorff L.* Mapping Global Science Using International Co-Authorships: A Comparison of 1990 and 2000. 2003. Unpublished Preprint.
- Walcott H.* Writing Up Qualitative Research. Newbury Park, CA: Sage, 1990.
- Whitley R.* Umbrella and Polytheistic Scientific Disciplines and Their Elites // *Social Studies of Science*. 1976. Vol. 6. No. 3/4. P. 479–491.
- Zorbaugh H.* The Gold Coast and the Slum. A Sociological Study of Chicago's Near North Side. Chicago: University of Chicago Press, 1929.